

НИНА ФИОКТИСТ

ИЗМЕНА

*Все не так,
как кажется*

Нина Феоктистова

Измена. Все не так, как кажется..

«Автор»

2026

Феоктистова Н.

Измена. Все не так, как кажется.. / Н. Феоктистова — «Автор», 2026

Казалось, у них есть всё: блестящая карьера, роскошная жизнь и взаимное уважение. Не хватало лишь одного — ребёнка, и эта тихая боль медленно разъедала брак Анны и Виктора изнутри. Когда в их идеальный мир врывается сводная сестра Анны, юная и прекрасная Катя, трещина становится пропастью. Ревность, подозрения и, наконец, шокирующая сцена, которую Анна застаёт в кабинете мужа, заставляют её бежать прочь, сломя голову, от лжи и предательства. Но судьба готовит неожиданный поворот. Вдали от всего, что ей было дорого, Анна узнаёт о беременности. А вскоре выясняется и страшная правда: измена была лишь тщательно разыгранным спектаклем. Сможет ли она простить того, кто стал жертвой чужого коварства? И успеет ли муж, отчаянно ищущий её, найти дорогу обратно к её сердцу и к их общему будущему?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Измена. Все не так, как кажется..

Глава

Глава 1.

Пять лет. Сегодня ровно пять лет, как я сказала ему «да» в этом самом ресторане. Я сижу и смотрю на него, на моего мужа. Он листает винную карту с той самой спокойной, деловой уверенностью, которая теперь стала его второй натурой. Я помню, как его руки дрожали, когда он открывал коробочку с кольцом. Помню, как он, похожий на смущенного мальчишку, выдохнул: «Аня, я не могу без тебя. ты вся моя жизнь. Ты... ты выйдешь за меня?» А в его глазах тогда было столько любви, что я утонула в них с головой.

«Анечка, о чем ты задумалась?» — его голос выводит меня из воспоминаний. Он уже налил шампанское. Золотистые пузырьки так весело поднимаются в бокалах. Весело для всех, кроме меня.

«Так, пять лет. Это надо достойно отметить, — он поднимает бокал. Его взгляд на секунду задерживается на моем, и в глубине карих глаз я снова вижу эту тень грусти.

— За нас, любимая. И за всё, что ждет нас впереди».

Я механически беру свой бокал, но не поднимаю. Звон стекла звучит как то жалобно и горько.

«За нас», — шепчу я, но не пью. Просто ставлю его обратно, подальше.

Я вижу, как изменилось его выражение лица. Мгновенная догадка, надежда, попытка эту надежду скрыть.

«Ты не пьешь? Тебе вредно?» — его голос становится тихими, осторожным. Он будто боится задавать этот вопрос и еще больше услышать на него ответ.

«Просто для здоровья, Витя. Мне врач говорила... — я не могу договорить. Мы оба знаем, о каком «здоровье» речь. Я отвожу взгляд к безупречной скатерти. — Знаешь, я сегодня, пока ждала тебя с совещания, гуляла в том парке у поликлиники. Там вишни вовсю цветут, так красиво... И мамочки гуляют с колясками... Я так долго любовалась на них».

Я поднимаю на него глаза, пытаюсь донести до него свою мысль. Я сейчас не про парк, не про вишни. Я про эту боль, про эту зависть, когда вижу маленьких детей.

Но он уже хмурится.

«Аня, я же просил — не надо ходить одной по таким местам. Мало ли что. И эти вечные очереди к врачам... Может, бросить эту муниципальную больницу? Давай найдем лучше частного специалиста. Денег же не жалко».

Он говорит это с заботой. С той самой заботой, от которой мне хочется кричать.

«Я сейчас не о больнице! — голос звучит громче, чем нужно. Я закусываю губу, снова опускаю глаза. — Ты же знаешь, о чем я хотела сказать».

Он вздыхает, через стол тянется и накрывает мою руку своей ладонью. Она теплая, большая. Раньше от его прикосновений по коже бежали мурашки. Сейчас я просто чувствую тепло кожи.

«Солнышко, ну не накручивай ты себя, — говорит он тихо, устало. — Всё будет. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Мы справимся. Надо просто... расслабиться. Перестать об этом думать каждую секунду и все у нас получится, вот увидишь.»

Его слова — как соль на свежую рану. «Расслабиться». Как будто это я одна думаю об этом каждую секунду. Как будто это не он месяц назад, увидев мою расстроенную улыбку, швырнул папку с документами об пол и прошептал: «Да когда же уже наступит конец этому аду?»

«Я стараюсь не думать, правда, — говорю я, вынимая руку под предлогом, что поправляю салфетку. — Кстати, ты так и не рассказал, как там с тем контрактом?»

Он с видимым облегчением меняет тему разговора. Говорит о делах, о новой сотруднице, Марии, которую взял на работу. Голос снова становится уверенным, деловым.

«Я просто хотел тебя порадовать, разгрузить, — оправдывается он, видя, как я замираю. — Ты и так перегружена. А она — очень хороший профессионал в своем деле».

«Понятно, — говорю я, и мой голос звучит ровно и холодно, как лед. — То есть теперь у нас в фирме есть вещи, которые «решаются быстро» и без меня. Хорошо».

Наступает тяжелое молчание. Официант приносит десерт — маленькие изящные эклеры. Виктор смотрит на него, потом на меня.

«Аня, ты же вряд ли это будешь? Сахар на ночь не полезно есть. Это даже врач тебе говорил.»

И вот тогда внутри меня что-то обрывается. От этого «полезно — не полезно» меня уже тошнит. Мне хочется взять этот эклер и размазать по этой идеальной скатерти. Захлестывает такая волна бессильной ярости и жалости к себе, что перехватывает дыхание.

«Извини, мне надо... отлучиться на минутку, — выдавливаю я и, не глядя на него, почти бегу между столиками. В туалете, запершись, я плачу, прижав кулак ко рту, чтобы не было слышно. Пять лет. Пять лет я чувствую себя бракованной, неполноценной. И самым страшным кажется то, что он, мой любимый Виктор, смотрит на меня и тоже давно уже видит во мне свою любимую женщину. А какую-то истеричку, которая даже родить ребенка не может.

Ночью я лежу и слушаю его ровное дыхание. Сегодня, в день нашей годовщины, я снова сделала тест. Новые таблетки, новые обещания, новая, дурацкая надежда, в которую я, как дура, опять верю.

Тихо крадусь в ванную. Руки трясутся. Я делаю всё по инструкции, сажусь на холодный край ванны и смотрю, как по тесту медленно, неумолимо, расплзается одна-единственная полоска. Яркая. Как всегда.

Сначала — тишина в голове. Пустота. Потом — тихий, сдавленный стон, который вырывается сам собой. Я подхожу к зеркалу. Передо мной — успешная молодая женщина в шелковом халате, в хорошей квартире. И у этой женщины — глаза полные такого отчаяния, что становится страшно.

Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы не разрыдаться на весь дом, но слезы текут сами, горячие и беззвучные. Я плачу о том малыше, чей смех никогда не прозвучит в этих стенах. Плачу о руках мужа, которая все чаще обнимает меня с целью утешить и успокоить, а не со страстным желанием. Плачу о нас — о тех безумных влюбленных, которые умерли где-то в этих пяти годах тихого отчаяния, оставив после себя только двух уставших, израненных людей, которые до сих пор пытаются делать вид, что всё у них хорошо.

Я смотрю на свое отражение и шепчу в тишину:

«С годовщиной тебя, Аня».

Глава 2.

Я выкинула тест в мусорное ведро. Не хочу, чтобы Виктор завтра утром увидел, что я не выдержала и опять его сделала. Сколько раз за пять лет я их делала? Я давно потеряла им счет.

Чтобы не сойти с ума, память, как спасательный круг, подкинула другую картинку. Я увидела себя, но шесть лет назад. Не эту измученную ежемесячными ожиданиями беременности женщину, а ту — молодую, красивую девушку с горящими глазами, которая верила, что может свернуть горы.

Шесть лет назад. Арбитражный суд.

В зале суда яблоку негде было упасть. Слышно было гул голосов, стук каблуков. Мне всего двадцать три, а я уже вела громкое дело о невыплате неустойки по контракту за несвоевременную поставку оборудования. Я представляла интересы владельца сети магазинов, который требовал огромные деньги за несвоевременное поставку оборудования от компании поставщика. Их интересы представлял сам Виктор Соколов, из крупной юридической компании «Вектор и А». О нем ходили легенды: молодой, гениальный, не проиграл ни одного дела. Я лихорадочно перебирала бумаги, когда дверь открылась и я почему то подняла голову.

Я сразу узнала Соколова в вошедшем и на миг мы встретились глазами.

Он был высоким, в безупречном сидящем темно-синем костюме, подчеркивающим спортивную фигуру. Взгляд — цепкий, оценивающий. Не пренебрежительный, а холодно-деловой. Но в тот миг меня будто током ударило. Откуда-то поднялась тревога и дурацкое, щемящее душу волнение.

«Суд идет!»

Начался процесс. Как адвокат он был на высоте. Его аргументы поражали. Виктор бравировал своим опытом, безупречным знанием законов. Но я тоже адвокат, хоть и начинающий, и не отступала. Я ведь ночи не спала, готовилась, выучила каждый пункт договора о поставке. И когда он с этой надменной полуулыбкой заявил, что наш клиент пропустил срок исковой давности, я нашла, что ответить.

Голос мой окреп и зазвенел в тишине зала:

— Уважаемый суд, ответчик неверно толкует пункт 4.7. Существует дополнительное соглашение о порядке приемки оборудования, которое полностью меняет ситуацию. Вот оно.

Я протянула документ. Его взгляд изменился — в нем вспыхнул неподдельный интерес. Он впервые посмотрел на меня не как на соперницу, а увидел женщину. И адвоката, с которым стоит считаться.

Дальше была настоящая словесная дуэль. После заседания я выскочила в коридор — отдышаться. Сердце колотилось как бешеное, лицо горело.

— Поздравляю, — прозвучал за спиной низкий, спокойный голос. — Вы выступили просто блестяще.

Я обернулась. Он стоял с двумя стаканчиками крепкого кофе.

— Не знаю, как вы пьете, но после такого накала кофеин просто необходим. Он без сахара — так вкуснее, рекомендую, — протянул один мне.

Я смирila его взглядом.

— Это что, новая тактика? Задобрить аппонента до вынесения вердикта?

Он улыбнулся, и лицо его сразу стало моложе и мягче.

— Это такая манера. Если вы и дальше так будете выступать, мне конец.

— Виктор Соколов.

— Анна Захарова, — я всё же взяла кофе. — И не надейтесь, что я сдам позиции из-за стаканчика кофе.

— О, я и не надеюсь, — он отпил напиток, не отводя глаз. — Просто констатирую факты. Вы — первый адвокат за два года, кто заставил меня почувствовать азарт.

Наше дело мы в тот день все-таки проиграли. Но, выходя из зала суда, Виктор уже не выглядел так самодовольно. Он выловил меня у лифта.

— Анна, это не конец нашего знакомства. Это только начало. Я хочу пригласить вас на свидание.

Я покачала головой, пряча улыбку:

— Вы слишком самоуверенны, Виктор Викторович. К сожалению, вынуждена буду отказать. Я не хожу на свидания с адвокатами.

— Я думаю, вы скоро измените решение, — парировал он, и в его глазах мелькнула уверенность.

На следующий день в офис принесли огромную корзину белых орхидей. Без записки. Но я знала, от кого этот букет. Началась его «осада».

Он больше не приглашал меня на свидания. Он врвался в мою жизнь как ураган. То «случайно» оказывался за соседним столиком в ресторане, то появлялся на конференции, куда меня приглашали.

— Вы меня преследуете, Виктор? — как-то спросила я, уже теряя терпение.

— Вы мне понравились в качестве соперника, Анна, — невозмутимо ответил он. — И, еще выяснилось, что как женщина вы мне нравитесь еще больше.

Его ухаживания были продуманы досконально, как юридическая стратегия. Цветы сменялись редкими книгами по уголовному праву. И очень скоро я поняла, что уже ищу его глазами в толпе и скучаю по нашим словесным перепалкам.

А потом, после одной из таких «случайных» встреч в ресторане, он подошел и тихо прошептал, без привычной его уверенности:

— Всё, Аня. Игры закончились. Отведи меня в свое самое любимое место в Москве. Туда, где тебе по-настоящему хорошо.

И я, сама себе удивляясь, согласилась. Отвела на крышу старого дома на Патриарших. Мы просидели там до утра, говоря обо всем — о работе, о книгах, о детстве.

Наш роман развивался быстро и стремительно. Мы были двумя половинками одного целого. Он — грандиозный стратег. Я — блестящий тактик. Казалось мы рождены друг для друга.

Как-то утром, лежа в его постели, я спросила:

— Помнишь, ты сказал тогда в суде: «Я вас нашел»? Что ты тогда имел в виду?

Он повернулся ко мне, лицо стало серьезным и каким-то беззащитным.

— Имел в виду, что нашел не просто женщину. Я нашел свою родную душу. Свое дополнение. Свою половинку. Ту, с кем мы сможем всё. Построить собственную империю. И... — он коснулся моей щеки. — Создать семью. Самую крепкую на свете.

Я поверила ему. Тогда, пять лет назад, глядя в его глаза, полные решимости и нежности, я верила ему безоговорочно. Вместе мы сможем всё.

Воспоминания отступили так же внезапно, как и нахлынули. Я снова оказалась одна в пустой ванной. Слезы высохли. Где же теперь та девушка? Где та уверенность в нашей любви? Та вера в то, что вместе мы все преодолеем?

Умылась ледяной водой, смывая следы слез, глубоко вздохнула и посмотрела на свое отражение.

«Теперь у нас есть все, — прошептала я тишине. — Кроме одного — ребенка».

Я выключила свет и вернулась в спальню. Прижалась к теплому боку мужа, который который что-то тихо пробормотал во сне. Обняла его крепко и заснула под спокойный стук его сердца.

ГЛАВА 3.

Мой телефон завибрировал на поверхности кухонного стола, разрывая тишину субботнего утра. На экране высветился контакт «Мама». Я вздохнула, вытирая руки о полотенце. Мы созванивались крайне редко, и этот звонок немного меня напряг. Интересно, что ей от меня надо? Просто она никогда не звонила просто так, значит ей опять что-то понадобилось от меня. Интересно, что на этот раз?

«Мама, здравствуй!» — я прижала трубку к уху, глядя на залитый солнцем московский пейзаж за окном.

«Анна, дорогая! Как ты? Как Виктор?» — голос матери звучал как всегда, немного визгливо и торопливо.

«Всё хорошо, мам. Работаем. А ты как? Как отец? Как Катя?»

«Да я-то ничего, все хорошо. Спасибо за прошлый перевод денег, мы с отцом хорошо отдохнули на море.

Слушай, у меня к тебе огромная просьба». В ее голосе появились знакомые просящие нотки. Я инстинктивно насторожилась. «Катерина закончила институт, защитила диплом наконец-то! И вот что мы подумали... ей на поехать в Москву. У нас тут нет никаких перспектив, тут карьеру не построишь. Да и замуж там можно удачно выйти, а уж с ее то данными с руками оторвут...

А остановиться она же может у тебя? Ведь чужая съемная квартира — это такие деньги! Ты же не оставишь сестру в на улице? Родным нужно помогать».

Воздух вокруг меня словно сгустился. В горле застрял комок, который я никак не могла сглотнуть. Ну конечно, Катя! Моя сводная сестра. Младшая, любимица родителей.

«Конечно... не оставлю, — выдавила я, заставляя свой голос звучать более-менее радостно. — Когда она приедет она приедет?»

«Да уже скоро, через неделю! Билеты я уже купила. Очень рада, что вы будете рядом! Ты у меня такая самостоятельная, успешная, поможешь ей, в люди выведешь. Она же девочка нежная, ранимая, ее каждый может обидеть».

«Ранимая», — мысленно повторила я. Воспоминания накатили горькой соленой волной. Я как будто-то наяву увидела наш родительский дом. Свою комнату, где всё было строго и функционально: кровать, письменный стол для уроков, полка с книгами, ничего того, чтобы указывало на то, что эта спальня девочки. И комнату Кати — розовое царство, заваленное плюшевыми мишками, куклами в шикарных платьях, духами и блестками. Помню, как на мое четырнадцатилетие мама подарила мне набор гелевых ручек, а ей, которой тогда было шесть, — огромного пони на колесиках. Я пыталась объяснить, что тоже хочу такую игрушку, хоть я и почти взрослая. Отчим тогда холодно посмотрел на меня и сказал: «Ты же умная девочка, Анна. Тебе надо учиться, а не в игрушки играть. Катюшка же еще маленькая».

Маленькая. Она всегда оставалась для него маленькой. Даже когда в пятнадцать лет она закатила истерику в магазине, потому что я, на свои скопленные с репетиторства деньги, купила себе красивое платье на выпускной в институте. Мне хотелось выглядеть не хуже всех, а на помощь родителей я не рассчитывала.

Ей тоже захотелось новый наряд, хотя у нее был забит ими целый шкаф. И папа (я всегда звала его папой, хоть он и не был мне родным) купил ей платье, которое стоило втрое дороже моего. Он обнял ее и сказал: «Для моей принцессы — только самое лучшее». А на меня просто посмотрел и кивнул: «Ты хорошо выглядишь».

Да, сестру баловали и любили с детства и она этим всегда пользовалась. Поэтому мы никогда не были с ней близки.

Мне было больно и обидно, что меня никогда не гладили по голове, не обнимали на ночь, а словно вынужденно терпели в своем доме. Поэтому только получив диплом об высшем образовании, я сразу уехала из дома.

«Анна? Ты меня слышишь?» — голос матери вернул меня в суровую реальность.

«Да, мам, слышу. Конечно, пусть приезжает. В гостевой комнате остановится. Я встречу ее на вокзале»..

Мы проговорили еще несколько минут, но я уже почти не слышала слов. Во рту стоял привкус горечи.

Вечером я все рассказала Виктору.

«Знаешь, скоро к нам пожелует гостя. Моя сводная сестра, Катя. Она немного у нас подтвет».

Виктор отложил папку с рабочими документами. «Сестра? Ты никогда не рассказывала о ней. Надолго?»

«Не знаю. Мама говорит, хочет карьеру в Москве построить». Я попыталась придать голосу легкость. «Присмотришь ей местечко в какой-нибудь фирме? Без опыта работы... ну, ты понял, ее никуда не возьмут.»

Он улыбнулся своей спокойной, уверенной улыбкой. «Раз это сестра моей жены, конечно, помогу, чем смогу. Пусть приезжает».

Я подошла к окну, глядя на огни города. «Она... у нас особенная. Очень красивая. Все влюбляются в нее с первого взгляда».

«И я тоже уверен что полюблю, — пошутил он, обнимая меня сзади. — Но только как сестру жены. Эй, мне кажется, или ты заранее меня к ней ревнуешь? Нужно доверять своему мужу. Я тебя не поменяю ни на кого, ты у меня самая лучшая».

Я хотела объяснить, что дело не в ревности, а в каком-то дурном предчувствии. И конечно же, знаю, что он меня любит и никогда не предаст. Но я так и не произнесла этих слов. Просто прижалась к нему, чувствуя, как тревога сжимает сердце в тиски.

На следующей неделе я, как сумасшедшая, носилась по квартире, готовя комнату для Кати. Купила новые подушки, самое дорогое постельное белье, поставила свежие цветы. Каждое мое действие было попыткой заглушить внутренний голос, который шептал: «Ты зря это делаешь. Она все равно будет недовольна».

Виктор, видя мои метания, только качал головой: «Анна, успокойся. Она же не королева какая-то, а твоя сестра. Всё будет хорошо».

«Ты ее не знаешь», — хотелось мне выкрикнуть. Но я молчала.

И вот настал день ее приезда. Я стояла на перроне Киевского вокзала, нервно теребя прядь волос. Когда из вагона вышла она, у меня на мгновение перехватило дыхание. Это была уже не та девочка-подросток, которую я помнила. Передо мной была молодая женщина с идеальной укладкой волос, в модном дорогом пальто, которое я видела недавно на вешалке одного бутика, но не решилась купить, думая что мне не подойдет такой фасон. Ей же оно подошло как влитое. Заканчивался образ сапогами на высоком каблуке и брендовой сумочкой. Неплохо так ее родители одевают... Меня они дорогой одеждой не баловали, покупали только самое необходимое.

Она поравнялась со мной и ее глаза, такие же, как у нашего отчима, серые и пронзительные, бегло окинули меня, а затем с любопытством уставились на толпу, как будто она искала кого-то.

«Анечка! Ты одна приехала?» — она едва коснувшись, обняла, и я уловила запах ее духов — сладких, удушающих. — «Спасибо что ты меня встретила! Москва-то такая огромная, я бы точно заблудилась!»

«Добро пожаловать, Виктор на работе, он не смог приехать — я слегка обняла ее в ответ, чувствуя себя очень неловко. — Как прошла дорога?»

«Утомительно, — вздохнула она, делая грустные глазки. — Но ради такой поездки можно и потерпеть».

По пути к машине она без остановки рассказывала о своих подругах, о том, как они жалеют что она уехала, о планах на свое будущее. Ее голос звенел, заполняя все пространство. Я молча вела машину, испытывая от ее присутствия дискомфорт. Она была моей сестрой, но радости от встречи с ней я не испытывала. Для меня она так и осталась посторонним человеком.

Когда мы зашли в квартиру, она замерла на пороге, издав тихий, восхищенный вздох.

«Ой! — ее глаза загорелись настоящим, неприкрытым восторгом.

— Анна, ты тут живешь? Это же просто шикарно!»

Она прошлась по гостиной, проводя пальцем по поверхности консоли, рассматривая картины на стенах, мраморную столешницу на кухне.

«А это что за дверь?» — она указала на приоткрытую дверь в комнату.

«Это наша спальня», — сказала я, и в моем голосе прозвучала несвойственная мне резкость.

Катя повернулась ко мне, и на ее лице расцвела медленная улыбка.

«Как я за тебя рада, сестренка. Правда. Ты всего добилась сама. А я... я только в начале пути». Она подошла ко мне и взяла меня за руку. Ее прикосновение было мягким, но в нем чувствовалась стальная хватка. «Надеюсь, ты pomoжешь мне устроиться здесь так же хорошо, как устроилась сама, на меньшее я просто не согласна.»

Я посмотрела в ее глаза — эти серые, такие знакомые и в то же время такие чужие глаза. И поняла, что меня напрягает ее присутствие. Она для меня совершенно чужой человек, впрочем как и я для нее. И что еще очень хочу, чтобы она побыстрее съехала.

Но вслух я просто сказала: «Конечно, Катя. Чем смогу, тем и помогу. Чувствуй себя как дома».

ГЛАВА 4.

Катя очень быстро освоилась в нашей квартире, будто всю жизнь тут жила. Первые несколько дней она вела себя как восторженный турист: на всё закатывала глаза и безостановочно сыпала комплиментами. Каждую вещь в квартире она находила "невероятной" или "потрясающей". Эти ее «ахи» и «вздохи» были такими приорно-фальшивыми, что от них скоро начало в прямом смысле тошнить, как от куска сладкого торта.

«Анна, у тебя даже ложки такие красивые! Настоящее серебро?» — она вертела в руках столовый прибор, а ее глаза смешно округлялись, словно она видела не ложку, а произведение искусства.

«Обычные ложки, Катя, — пыталась я быть сухой, но ее восторги были такими искренними, что против воли заставляли улыбаться.

«А это что за картина? Кажется, дорогая?» — она уже стояла перед небольшим этюдом, который мы с Виктором купили на вернисаже у начинающего, но талантливого художника.

«Мы ее потому и купили, что она нам понравилась, а не потому что дорогая», — прозвучал спокойный голос Виктора. Он вошел в гостиную, только что вернувшись с работы.

Катя вздрогнула и повернулась к нему. И я снова увидела это — ее лицо озарилось такой ослепительной улыбкой, будто в комнате включили прожектор.

«Виктор! Здравствуйте! Я как раз Анне говорю — какой у вас безупречный вкус! Просто дух захватывает!»

Виктор вежливо кивнул, снял пиджак и развязал галстук. Его движения были, как всегда, выверенными и немного усталыми.

«Спасибо, Катя. Как вам наш город? Успели в нем уже освоиться?»

«О, я еще только начинаю! — она подбежала к нему, словно щенок, и я невольно заметила, как он отступил на полшага назад. — Это же такой муравейник! Все бегут, все куда-то спешат! Мне нужен личный гид. Лучший гид». Она посмотрела на него снизу вверх, подчеркивая разницу в росте, и в ее взгляде было столько наивного обожания, что это должно было растрогать кого угодно.

Но Виктор лишь вежливо улыбнулся уголком рта. «Анна знает Москву получше меня. Она вас везде сводит».

«Но вы же коренной москвич!» — не сдавалась Катя, и в ее голосе зазвенел легкий, кокетливый упрек. — «Анна тоже такая же приезжая, как и я».

«Я живу здесь с двадцати двух лет, — мягко поправила я, чувствуя, как внутри закипает легкое раздражение. — И уже успела стать своей».

Катя проигнорировала мое замечание, ее взгляд был прикован к моему мужу.

Вечером за ужином она устроила настоящее шоу. Рассказывала забавные истории из своей студенческой жизни, смеялась звонко и заразительно, и я видела, как моя обычно сдержанная мама, с которой мы связались по видео-связи, умиленно смотрела на младшую дочь.

«Анна, а ты помнишь, как Катюша в пять лет твой глобус разрисовала фломастерами?»
— вспомнила мама.

«Помню, — кивнула я. — А ты тогда сказала, что это «творческий порыв», и ругать ее не стала».

В комнате на секунду повисла неловкая пауза. Катя тут же ее заполнила.

«Ой, мам, не напоминай! Я потом всю жизнь глобусы обходила стороной! Виктор, а вы в детстве что-нибудь разрушали?»

Она снова перевела внимание на него. И снова он, только что увлеченно евший стейк, отложил нож и вилку.

«Нет, — сухо ответил он. — Я скорее строил».

«Конечно! — воскликнула она. — Таким людям, как вы, дан талант созидать! Чувствуется сразу!»

Виктор бросил на меня быстрый, почти незаметный взгляд. В его глазах я прочитала то же, что чувствовала сама — усталость от этого бесконечного потока восторгов. Он отпил воды и снова взялся за столовые приборы, явно давая понять, что разговор окончен.

Но Катя, казалось, не замечала никаких сигналов. После ужина, когда я убирала со стола, а Виктор сел с ноутбуком проверить почту, она устроилась на диване рядом с ним, поджав под себя ноги.

«Ой, какой у вас мощный компьютер! Вы всегда работаете по вечерам? Это так ответственно. Мой бывший парень только в игры играл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.